

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Д. И. БАЛИБАЛОВА профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук
- В. С. ГЛАЗЬЕВ стажер автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы», младший научный сотрудник Научного центра евразийской интеграции
- Ю. В. ГОЛИУСОВА ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат социологических наук
- Г. А. ГОНЧАРОВ профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- Н. В. ДОРОХОВА профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Ю. В. ИЛЬИНА заместитель директора по общим вопросам Института тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова Национальной академии наук Беларуси (Минск)
- Ю. Ю. КОРОЛЕВ профессор кафедры бизнес-администрирования Института бизнеса Белорусского государственного университета (Минск), кандидат экономических наук
- А. И. КОТОВ специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
- А. А. ЛАПИНСКАС профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук
- А. МИШАРОВ студент III курса экономического факультета СПбГУП
- Л. А. МИЭРИНЬ профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Р. И. НИГМАТУЛИН научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Н. Н. НИКУЛИН профессор кафедры экономики Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. В. ПАВЛОВА доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук
- Э. Э. ПОЛЕТАЕВ президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алма-Ата, Казахстан), политолог
- Е. С. САДОВАЯ заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
- А. А. ФЕДЧЕНКО профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук
- Г. Ф. ФЕЙГИН профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП
- И. Э. ФРОЛОВ руководитель Центра исследования и прогнозирования высоких технологий и зарождающихся рынков Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, профессор
- Е. Г. ХОЛЬНОВА заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор
Н. Ю. ШВЕДОВА	доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук
Г. А. ШКИРЕНКО	доцент кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, кандидат экономических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Хотел бы сказать несколько слов от имени Оргкомитета XX Международных Лихачевских научных чтений.

Возможно, самое большое разочарование для ученых — когда имеются научные результаты и есть представление, что и как нужно делать, но все делается иначе. Считаю, что наша экономика существенно продвинулась бы вперед, если бы, например, Набиуллину заменили Нигматулиным. На мой взгляд, Центробанк и Министерство экономического развития РФ тормозят развитие экономики в стране. Если бы академик Р. И. Нигматулин был Президентом Российской академии наук, как и присутствующий здесь академик А. Д. Некипелов, который многое сделал для Академии наук в должности вице-президента РАН, то полагаю, что наука получила бы новый импульс для развития. Даже если Центробанк и Минэкономразвития нас не слышат, мы продолжим заниматься исследованиями. Может быть, когда-нибудь руководители структур, отвечающих за экономическое развитие страны, начнут выстраивать экономику России не по американским учебникам для американских техникумов. У нас должна быть другая экономика.

Вчера в рамках Чтений состоялось пленарное заседание «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка» и панельная дискуссия «„Великая шахматная доска“ сегодня и завтра», которые дали пищу для размышлений. Хотелось бы, чтобы то, что прозвучало в ходе этих дискуссий, было осмыслено и прокомментировано сегодня. Необходимо стремиться к диалогичности, потому что возможностей для монолога у нас много, а для диалога — намного меньше.

Заседание секции под названием «Экономика в контексте глобальных перемен» — это не отраслевая конференция по узкой экономической проблематике. Международные Лихачевские научные чтения — масштабное мероприятие, которое давно переросло физические возможности отдельно взятого университета, это междисциплинарная конференция, на которой каждый ученый имеет возможность соотнести материалы своих научных исследований с более широкими размышлениями, с тем, что происходит в смежных областях гуманитарного знания, общественной жизни и, конечно, в стране и мире. Взгляды экономистов чрезвычайно интересны, ведь экономика существует не сама по себе, а как одна из больших подсистем культуры, где все взаимосвязано. Для получения полноценных результатов необходимо осмыслить то, что происходит в экономике, и взгляды экономистов на другие подсистемы культуры. Поэтому прошу выступающих фокусироваться на общей проблематике — экономика в контексте глобальных перемен.

Желаю вам хорошего настроения, яркого общения и успехов в работе!

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Уважаемые участники, мы начинаем заседание секции «Экономика в контексте глобальных перемен» в рамках уже ставших традиционными XX Международных Лихачевских научных чтений. Передаю слово руководителям нашей дискуссии — Роберту Искандеровичу Нигматулину, Александру Дмитриевичу Некипелову и Григорию Феликсовичу Фейгину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемые профессора, доценты, преподаватели, для нас выступление перед студентами — это самое главное. Обращаясь к студентам, хотел бы сказать: если вам легко учиться, значит, вас недостаточно усиленно учат и материал нужно осваивать самостоятельно. Учиться должно быть сложно, тяжело. Молодой возраст следует использовать для интенсивной учебы. Но, конечно, нельзя забывать о жизни, нужно влюбляться и переживать.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Уважаемые участники, тема Лихачевских чтений 2022 года — «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка». Действительно, мы живем в уникальное время, когда получил развитие острый конфликт. На пленарном заседании звучали рассуждения о том, является ли современный острый конфликт глобальным или нет. Настоящий период, наверное, самое острое и противоречивое время за последние десятилетия. Мы мечтаем о будущем и пытаемся понять, каким будет новый миропорядок и какой миропорядок желателен для нас.

У нашей секции более узкая тематика — «Экономика в контексте глобальных перемен», поэтому прошу всех докладчиков не забывать о глобальности и свои доклады, научные и прикладные, представлять в контексте глобальных перемен.

Хочу пожелать всем участникам интересного и плодотворного времяпрепровождения. Студенты смогут услышать здесь точки зрения разных специалистов, с которыми можно соглашаться или нет, но для профессионального развития важно принять их к сведению.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Дорогие коллеги и студенты, считаю, что тематика XX Лихачевских чтений вообще и нашей секции в частности необыкновенно актуальна. Сейчас каждый день публикуются новости, касающиеся введения тех или иных санкций против нашей страны, последствий ранее принятых ограничений и т. д. В этой сфере борьба идет не менее острая, а в некотором смысле, может быть, более фундаментальная, чем на полях сражений, где относительно результата основная часть экспертов близка к единодушию. В сфере, которая является предметом наших рассуждений, пока нет такой ясности, хотя мы верим в возможности российской экономики, которая на первом этапе проявила себя довольно уверенно.

В рамках нашей секции запланирована насыщенная программа, поэтому предлагаю сразу перейти к ее реализации. Слово предоставляется специальному представителю губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития Анатолию Ивановичу Котову.

А. И. КОТОВ: — Сейчас наш город готовится к проведению XXV Петербургского международного экономического форума, где будут обсуждаться актуальные проблемы, возникшие сегодня в глобально меняющемся мире. Символично, что XX Лихачевские чтения проходят в преддверии форума и открывают диалог.

Постоянными величинами остаются духовность, нравственность и культура, и то, что экономическая сессия проходит в рамках Лихачевских чтений, — яркое тому подтверждение. Занимаясь много лет исследованием экономики, убежден, что в ее основе должны лежать нравственность и духовность. Экономика — не абстрактный механизм, позволяющий оперировать макроэкономическими категориями, а реальный инструмент управления нашей жизнью и развитием, принятия решений, которые должны удовлетворять общество.

Мы живем в сложную эпоху, которая выражается в непростых отношениях, сложившихся прежде всего в геополитике. Сегодня каждый день мы получаем информацию, которая в значительной степени направлена против нашей страны, ее выбора и суверенитета. Во главе такой политики стоят Соединенные Штаты Америки.

В настоящее время мы ежедневно наблюдаем введение новых санкций. Но следует сказать, что наша страна постоянно находится под санкциями: так, в 1946 году началась холодная война, выразившаяся в серии санкций. Как ни странно, именно в то время мы создали первый ядерный реактор, атомные электрические станции, запустили первый искусственный спутник Земли, наш космонавт полетел в космос, страна работала и создала. Мы должны сами строить свою страну, взаимодействовать и брать лучшее из наработанного опыта.

В период Новейшей истории, в 2014 году, когда восторжествовала историческая справедливость и Крым вернулся в состав России, началась новая эпоха санкций. С момента специальной операции Российской Федерации на Украине ведется очень жесткая санкционная политика, вызывающая все новые проблемы. В апреле 2022 года на Россию было наложено около 7 тыс. санкций, сейчас их уже более 11 тыс. По количеству санкций Россия превосходит все страны мира, вместе взятые (включая КНДР и др.). Наши недруги ожидали, что российская экономика рухнет. Но мы выжили, более того, сегодня у нас есть определенные результаты.

Существуют разные виды санкций: секторальные и индивидуальные. Большая часть введенных против России санкций, 70–80 %, относится к индивидуальным. В первую очередь они направлены против тех, у кого за рубежом много счетов и пр. Секторальные санкции нацелены против того, чем Россия богата и обеспечивает весь мир. Сложилась такая ситуация, что введенные Западом санкции по нам ударили меньше, чем по тем, кто их вводил.

Многие эксперты на первом этапе пытались предсказать развитие ситуации и дать свою оценку. В частности, предсказывалось падение ВВП на 10–12 %, сегодня этот показатель составляет 8,5 %. ВВП снижается прежде всего потому, что изменились структура экономики, логистика и все, что с этим связано. Для этого обязательно нужно менять факторы, которые привели к снижению.

Был предсказан рост числа безработных. В настоящее время уровень безработицы в России равен 8,5 %. В Санкт-Петербурге безработица находится на беспрецедентно низком уровне. Если полгода назад, до начала спецоперации на Украине, безработица была 5 %, то сегодня этот показатель составляет 4 %.

Прогнозировался рост цен на 20–22 %, что, в свою очередь, должно было повлечь снижение уровня жизни населения. Этот показатель, наверное, обеснован. Но насколько снизится уровень жизни, мы увидим позже. Это так называемые ожидаемые последствия.

Среди последствий наложенных на Россию санкций можно назвать ограничение доступа к рынку высоких технологий, снижение деловой активности бизнеса, поскольку иностранные компании уходят, нарушены связи между предприятиями и существенно вырос отток иностранного капитала и инвестиций. Если объем инвестиций сокращается, значит, мы должны изыскивать их в другом месте. Убежден, что инвестиции можно найти и в нашей стране, и в нашем городе и определить механизм их привлечения в экономику.

В Российской Федерации существует план, как компенсировать негативные последствия санкций. Он включает довольно много мероприятий, которые обеспечены финансированием. Сегодня финансовые ресурсы нужны для того, чтобы компенсировать последствия или создать цепочки новых поставок, подняться на новый виток импортозамещения.

С 2014 года действуют санкции, распространяющиеся на российское сельское хозяйство. Однако сегодня в этой отрасли мы добились таких результатов, которых давно не было. Россия всегда была импортозависимой от продовольствия, а сейчас мы экспортируем продукты. И даже несмотря на санкции, которые связаны в том числе с продовольствием, зерно и другие продукты поставляются на экспорт. В значительной степени продовольственные проблемы в мире вызваны тем, что на российское продовольствие были наложены санкции. В отрасли машиностроения и области современных технологий, которые существенно пострадали от санкций, многие мероприятия направлены на локализацию негативных последствий.

Когда возникает проблема, всегда существует возможность ее решения, поэтому санкции нужно рассматривать как возможности. Происходит перенастройка ситуации, появляются новые ресурсы, которыми нужно воспользоваться. Сегодня существует много возможностей, позволяющих нивелировать отрицательные моменты санкционной политики. В частности, в Петербурге действуют программы в сфере поддержки малого бизнеса и развития производства. Полагаю, что они помогут нам пережить трудные моменты и спустя некоторое время позволят жить в другом мире, более справедливом, ответственном и добром.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Анатолий Иванович, существуют ли какие-либо угрозы для крупнейших машиностроительных заводов, расположенных в Санкт-Петербурге (Невский, Кировский, «Силловые машины» и т. д.)?

А. И. КОТОВ: — Сегодня отечественное машиностроение на 25 % зависит от иностранных комплектующих, что определяет необходимость обеспечить импортозамещение в этой сфере. Если бы не было санкций, эту проблему все равно пришлось бы решать, в том числе путем создания электронной базы и развития станко-, машино- и двигателестроения. В Петербурге много предприя-

тий, которые сегодня активно работают в этом направлении. Импортозамещение — актуальная проблема, и сегодня не вполне понятно, как ее решить.

Е. С. САДОВАЯ: — Технологически мы можем провести мероприятия, связанные с импортозамещением. Но как решить проблему узости нашего рынка сбыта, от которой зависит себестоимость импортозамещенных деталей и товаров?

А. И. КОТОВ: — Импортозамещение — это одна сторона вопроса, но нельзя забывать о второй важной стороне — инновационной составляющей, включая изменение промышленной политики и ее более четкую координацию между федеральным и региональным центрами.

Сегодня есть рынок, но мы на нем не работаем, не всегда проявляем настойчивость в продвижении своей продукции машино-, авиа- и судостроения, например в странах, которые нас активно поддерживают (Китай, Бразилия, Иран и др.). Придется перестроить цепочку и найти других партнеров, изменив структуру нашего экспорта за счет повышения его инновационной и технологической составляющих. Около 50 % доходов нашей страны от продажи нефти и газа поступали из Европы. Годовой оборот с Европейским союзом составлял 200 млрд долларов. Сегодня внешнеторговый оборот с Китаем достиг показателя 140–150 млрд.

Сочетание ресурсных возможностей России, без которых мир не может нормально жить, и обилие продовольствия дадут нам возможность освоить другие рынки. Но на это, конечно, понадобится время.

А. А. ЛАПИНСКАС: — Отрадно, что экономика страны в целом и нашего города в частности три месяца нормально функционирует благодаря усилиям Правительства России и Санкт-Петербурга. Но так или иначе проблемы будут возникать. Губернатор Санкт-Петербурга примерно месяц назад сообщил, что китайцы отказались поставлять запчасти для автобусов и мы будем заказывать их в Беларуси. Какова ситуация сегодня?

А. И. КОТОВ: — Если говорить о запчастях, то много автобусов и деталей поставляется из Беларуси, так что это решаемый вопрос.

Проблема заключается в том, что мы начали не с того, с чего надо. Исторически все, чего хотели США, другим странам приходилось делать. Благодаря двум войнам — Первой мировой, империалистической, и Второй мировой — американцы получили полный контроль над всеми потоками. Конечно, нам это не нравится.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово предоставляется профессору Арунасу Альгевичу Лапинскасу.

А. А. ЛАПИНСКАС: — Россия является самой богатой страной по запасам природных ресурсов, в том числе нефти и газа, алмазов и золота. Вопрос: какое место наша страна занимает по уровню жизни? По разным рейтингам — с 65-го по 90-е место. Второй вопрос: на каком месте находится наша страна по уровню производительности труда? Я сравнил уровень производительности труда в таких нефтяных компаниях, как Газпром и Exxon Mobil. В последней при сопоставимых объемах занято работников примерно в шесть раз меньше, чем в нашей компании, то есть в Газпроме в шесть раз ниже производительность. В Роснефти по сравнению с Saudi Aramco та же самая си-

туация, хотя у саудовцев другие условия добычи. Отсюда еще один вопрос: почему население Венесуэлы живет не так хорошо, как люди в Норвегии, хотя у первой гораздо больше запасов нефти (эта страна по данному показателю занимает первое место в мире)? Почему люди в Северной Корее живут не как, как в Южной Корее, хотя у них одни цивилизационные условия? Почему китайцы сейчас живут так, а при Мао Цзэдуэ жили совершенно иначе, хотя климатические и цивилизационные условия одни те же?

ВВП нашей страны в 1989 году был примерно в два раза больше, чем ВВП Китая; в 1993 году эти показатели сравнялись, а потом уровень ВВП России устремился вниз, а Китая — вверх. Что произошло? По какому пути мы должны идти в экстремальных и нормальных условиях? Как должна развиваться Россия в ситуации глобальных проблем?

Пути развития можно рассматривать с четырех позиций.

Первый вариант — формационный подход, значение которого исследовано недостаточно. Известный физик, математик Моисеев писал о том, что не вполне понятно, что такое формация. Производительные силы определяют производственные отношения, а все это — надстройку. Поэтому в данном случае можно поспорить с Александром Сергеевичем о том, что такое экономика — пирамида целиком или только верхняя ее часть. На этот вопрос нет однозначного ответа. Траектория развития при данном подходе имеет линейно-поступательный характер. Но по этим характеристикам мы не в состоянии понять, почему китайцы при Мао Цзэдуэ жили так, а сейчас — иначе. Почему не состоялся коммунизм, хотя социализм существовал как ступень на пути к нему. Коммунизм не состоялся, но и капитализм тоже, а об этом часто забывают сказать. Со времен Великой депрессии даже в США не существует чистого капитализма (изменился тип хозяйства).

Второй вариант — стадийный подход. Он похож на формационный подход, только представлен в отраслевом разрезе, а формационный — в разрезе общего развития производительных сил. Основателем стадийного подхода является Э. Тоффлер. Стадийный и формационный подходы имеют общие черты, а также отличия (один учитывает классовые различия, а другой — нет). Общий недостаток этих двух подходов — однозначное определение сознания бытием.

Третий вариант — цивилизационный подход. Питирим Сорокин дал адекватное объяснение, что траектория развития не линейная, а двухсторонняя и циклическая. На повестку дня выходит цивилизационный вопрос разделения на славянофилов и западников. Как писал профессор В. Т. Рязанов, реформы в XIX–XX веках всегда сменялись контрреформами. Плюсы цивилизационного подхода в том, что сознание (а не производительные силы) определяется как основной фактор.

Четвертый вариант — системный подход. Описанные три типа хозяйства разные, даже противоположные друг другу, но их можно совместить. Бывший министр экономики А. А. Нечаев говорил, что плановую экономику ни в коем случае нельзя совмещать с рыночной, так как не бывает рыночно-плановой экономики. Но такое сочетание не только бывает, но и должно быть. Каждый тип хозяйства имеет свои плюсы и минусы.

Что нужно России? Сейчас наблюдается перебор со стратегическим блоком, крупные государственные корпорации обеспечивают 80 % ВВП, тогда как конкурентный сектор, он же оперативный блок, — всего 20 %. Президент России еще в 2020 году поставил задачу — до 2025 года

увеличить оперативный блок до 40 %. Но пока мы не сдвинулись с места. Однако это придется сделать, несмотря на экстремальную ситуацию, а может быть, и тем более. Китайцы сделали это в течение одного-двух лет в начале 1980-х годов и сразу перешли к экономическому росту. Нам до сих пор не хватает эффективной модели организационно-управленческой структуры. Будем надеяться, что у нас все получится, тем более что президент поставил такую задачу.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору Игорю Эдуардовичу Фролову.

И. Э. ФРОЛОВ: — Проводимая в России денежная политика не соответствует новой реальности. Необходимо вписать ее в принципиально иную реальность, которая уже наступила. Мы живем в новую эпоху, но еще не осознали этого.

Сегодня мы наблюдаем не просто переход кризисных явлений в государственный конфликт, а переход от управления государством к глобальному управлению. Сейчас, когда больше ста стран мира (кроме африканских) ввели против России санкции, мы это ощущаем на себе.

Существуют две точки зрения на происходящие события. Часть интеллигенции испытала шок, кто-то даже уехал за границу, правда, собирается вернуться. Но есть и более оптимистичный взгляд. Несмотря на адаптацию, которая будет длиться два-три года, нужно переходить к развитию, причем чем быстрее, тем лучше. Возможности есть всегда, поэтому надо быть историческими оптимистами.

Сегодня в мировой экономике мы наблюдаем интересные явления — не сверхнизкие темпы, а новую нормальность, нечто невероятное: объем мировой торговли меньше, чем мировой ВВП, чего не может быть. Это показывает, что мировой ВВП считается по-другому и, скорее всего, растет не экономика. В действительности растет мировой долг, который уже превысил 300 трлн долларов, что кратно больше, чем мировой ВВП. Такой долг уже принципиально нельзя отдать. Когда говорят о долге в 300 трлн долларов, то считают его разными способами, поэтому, например, у Вашингтонского института финансов другие данные. И помимо торгуемого долга есть забалансовый долг, который равен нескольким сотням триллионов. А раз его нельзя отдать, то это не долг, а превращенная форма, которая считается, складывается и т. д.

Вывод простой — мировая экономика неизбежно трансформируется, и периодически мы будем испытывать мировые кризисы, эпидемии, голод, войны и т. д. Скорее всего, сложившаяся ситуация будет длиться несколько десятилетий и мы все это испытаем на себе. Наступает очень интересная эпоха, несравнимая даже с 1970-ми годами, о которых нередко говорят, вспоминая кризисы. Вероятно, мы наблюдаем завершение эпохи модерна. Капитализм, о котором говорил предыдущий докладчик, и другие системы исторически оканчиваются. Мы вступаем в новую эпоху, аналогичную XVII веку, когда появились новая философия, наука Нового времени и принципиально поменялось мировоззрение. Нам придется изменить мировоззрение, а с какой скоростью это произойдет — уже другой вопрос.

Кризис наступил осенью 2021 года, сегодня мы наблюдаем его новую фазу. Породила энергетический кризис не специальная военная операция, а реформы газового рынка ЕС, начатые тогда.

Я работаю в Институте народнохозяйственного прогнозирования, и нас многие упрекают в том, что прогнозы не сбываются. В связи с этим вспоминается знаменитая фраза Анчишкина, что предсказание от прогноза отличается тем, что первое никогда не сбывается, а второе иногда сбывается. Мировой кризис можно было предсказать (что и было сделано экономистами), но не спрогнозировать. Но мир намного шире и интереснее: кроме кризисов постоянно появляется что-то новое. Как бы ни назывались новые глобальные проекты — зеленая экономика, желтая, серая, синяя, — скорее всего, они не сбудутся.

Современная экономическая теория не представляет собой глобально нечто однородное с центральной категорией «рынок». Все гораздо сложнее, мы наблюдаем конвергентный синтез хозяйства, экономики и финансов. Это принципиально разные вещи. Пример хозяйства — когда человек производит и потребляет в рамках одного хозяйства (собрали грибы, приготовили и съели). В экономике человек потребляет, но производит товары и воспроизводит стоимость. А финансы воспроизводят долговые обязательства в денежной форме. Мировой ВВП — лишь агрегат, который это скрывает. Необходимо все это изучать, потребуется новый язык для теоретического описания, которого, к сожалению, пока нет.

Несколько слов об образе будущего, о котором говорили на пленарном заседании. Важный момент связан с тем, что у нас пока нет позитивного образа. Но в любом случае я не призывал бы к созданию идеологии. Идеология — это превращенная, иллюзорная форма, а нам нужно понять, что мы реально можем сделать, как будем встраиваться в новую реальность. Мы пока представляем либо плохой, либо хороший образ будущего, а следует рисовать реалистичный.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я хотел бы обратить внимание на особенность, связанную с импортозамещением. Сегодня три крупнейших экспортера мира — США, Китай и Германия — одновременно являются крупнейшими импортерами. Это говорит о том, что конкурентоспособные страны не все производят сами. Возможна ли ситуация, когда Россия будет не импортировать из Китая, а производить продукцию сама? Опыт развитых стран показывает, что это очень сложно.

И. Э. ФРОЛОВ: — Нужно различать экспорт и мирохозяйственные связи. То, о чем Вы говорите, — это реальная включенность в мировую экономику, которая фиксируется под видом экспорта и импорта, а на самом деле это мирохозяйственные связи. Экспорт — когда производится больше, чем поглощается, потому что рынок — это избыток. Экспорт Германии на самом деле не экспорт, а включенность в мировые связи, как и экспорт Китая. То есть это не отдельные экономики, а мировая экономика, которая доминирует.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется доценту Галине Анатольевне Шкиренко.

Г. А. ШКИРЕНКО: — Базовым ресурсом для развития любой страны, в том числе и нашей, является население с его знаниями, навыками, способностями, талантом, здоровьем, мировоззрением, семейными связями, отношением к жизни, работе, друг к другу. Иными словами, единство людей и их взаимоотношений. С экономической точки зрения, конечно же, человеческий капитал трактуется иначе — это то, во что мы инвестируем, чтобы чело-

век лучше трудился и его деятельность приносила больше экономической отдачи.

На мой взгляд, у России сегодня появился шанс развивать экономику по собственному сценарию. К сожалению, в 1990-е годы мы действительно выбрали неправильный путь — стали развивать торговлю, финансовый сектор, а о производстве забыли. В итоге в условиях санкций мы столкнулись с проблемами. Показателен пример российско-немецкого аграрного холдинга «ЭкоНива», предприятия которого работают в том числе в Воронежской области. Техника на предприятиях используется немецкая, и теперь при поломке деталей компания обращается на воронежские заводы, где их пытаются починить. Таким образом, именно на человеческий капитал мы можем опереться в сегодняшней ситуации кризиса и разорванных международных связей.

Современный тип экономического развития называют по-разному: цивилизационный тип, ноосферная экономика, экономика гуманизма и пр. Все эти названия подразумевают, что человек выступает высшей ценностью и в экономическом, и в социальном, и в культурном, и в любом другом смысле. Следовательно, все усилия должны быть направлены на развитие человека — его таланта, способностей, умений, культуры; на его воспитание, формирование его мировоззрения, налаживание взаимодействия между людьми.

Александр МИШАРОВ, III курс, экономический факультет: — *Галина Анатольевна, у меня вопрос к Вам в частности и ко всем предыдущим спикерам вообще. Во время дискуссии постоянно звучит тезис о том, что мы найдем новый путь развития экономики. Может быть, стоит взять то, что уже работает, и улучшить это?*

Г. А. ШКИРЕНКО: — Все цивилизации проходят уникальный путь развития и рано или поздно заканчивают свое существование. Сегодняшняя эпоха не исключение. Речь, наверное, идет не столько о том, что мы должны найти свой путь, сколько о том, что текущая система хозяйствования не отвечает запросам современного поколения. У нас появился шанс в сложившихся условиях частичной изоляции выбрать иное направление.

Говоря о своем пути, я имею в виду именно то, что нужно идти в ногу со временем, ориентироваться на современные потребности людей. Мы не можем использовать технологии или принципы хозяйствования, которые были эффективны сто-двести лет назад. Сегодня они не имеют смысла, потому что изменились эпоха, мир, а главное — изменились потребности людей.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Действительно, правильный подход заключается в том, чтобы не ломать, а усовершенствовать то, что есть. Основная ошибка тех, кто хочет добиться перемен, — стремление к перевороту, революции. Сейчас пересматриваются итоги Октябрьской революции. На современном этапе стране ни в коем случае не нужны коренные переломы. Вместе с тем нужно учитывать, что мы оказались в ситуации, когда придется принимать решительные меры, чтобы сохранить прежний уровень жизни.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Профессор Лариса Александровна Миэринь, Вам слово.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Гуманистическая направленность и гуманизм — это общечеловеческая проблема.

Экономика является только частью хозяйственной системы, другие ее части — природа и общество. Происходящее в мире связано с явлением системной интерференции, при котором наблюдается наложение друг на друга глобальных циклов развития природы, общества и экономики в определенных точках. Этот период начался приблизительно в середине XX века и закончится в середине текущего. Циклы находятся в нижних поворотных точках. Если мы накладываем эти точки друг на друга, то в результате физической интерференции деструктивные процессы усиливаются, а кризисы обостряются.

Сейчас на уровне мирового хозяйства мы наблюдаем глобальный переход к новому порядку, связанный с ростом противоречий и поиском выхода из ситуации. Наши конкуренты могут воспользоваться моментом и попытаться вывести Россию из строя как игрока, претендующего на ведущую роль в формировании нового миропорядка.

Мы ощущаем кризис прежде всего как экономический, но на самом деле мы ищем новую модель построения не только экономики, но и хозяйства, общества в целом. Этот процесс связан с рядом проблем — управленческих, социальных, природных. Он будет длительным. Конечно, любые переходные процессы обуславливают рост дисбалансов, усиление противоречий, с которыми нужно будет бороться. Но какие для этого будут избраны инструменты — старые или новые — большой вопрос к нашей управленческой элите. Нужно помнить, что ее решения сразу отразятся на жизни людей. Предстоящий период для российских граждан будет в любом случае непростым. На протяжении ближайших двух-трех лет структура экономики будет упрощаться, потребительская корзина — сжиматься и т. п. Социальные ориентиры сейчас важны как никогда. В конце концов, экономика в первую очередь нацелена на благополучие человека.

Меняются ли ценностные основания экономики? Что транслирует обществу руководство страны, которое и должно давать ему ориентиры? Например, на высшем уровне часто говорится о проблеме оттока молодых специалистов из России (особенно в сфере информационных технологий). На мой взгляд, молодежь смогут привлечь именно гуманистические ценности. Советую молодым людям читать труды гуманиста Д. С. Лихачева. Именно гуманизм должен стать ориентиром экономического развития России. К сожалению, в сообществе экономистов гуманизм обсуждается мало.

Мое поколение помнит ленинский лозунг «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны». Сейчас тоже нужно сформулировать подобную формулу. Скажем, советскую власть заменить на народную — такой гуманистический посыл может стать одной из составляющих формулы. Кроме того, могут быть социальные, управленческие составляющие и, конечно, технологическая основа. Ею может выступить цифровизация или внедрение достижений шестого технологического уклада. Кстати, за период пандемии Россия, как ни странно, значительно продвинулась по пути цифровизации.

В связи с этим нужно сказать о концепции трансгуманизма. Новые технологии позволяют совершенствовать физические возможности людей, вживлять в организм технические устройства, практически реконструировать человека искусственно. Будет нарастать проблема взаимодействия с техническим прогрессом. На мой взгляд, социальные технологии так же важны, как и обычные. Государству необходимо понимать, что поддается управленческому воздействию человека, а что — нет.

Россия обеспечена ресурсами, обладает огромной территорией, но ей не хватает населения. К сожалению, в стране нет национальной идеи. Может быть, она возникнет в этот тяжелый период, ведь лозунг «Своих не бросаю» можно рассматривать как локальную национальную идею, относящуюся к текущему моменту. Уверена, мы сможем сформулировать глобальную идею, которая задаст вектор развития страны на долгую перспективу.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Лариса Александровна, сейчас на первый план выходит другой посыл: потуже затянуть пояс, мобилизовать ресурсы и защищаться. От многих гуманистических идей приходится отказываться.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Григорий Феликсович, я не совсем понимаю, от каких гуманистических ценностей мы должны отказаться? От приоритета человеческой жизни? От приоритета человеческого капитала как важнейшего ресурса государства? Как скажется на духовности страны то, что люди потуже затянут пояс?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Лариса Александровна, по сравнению с 1990 годом, предпоследним для советской власти, в современной России ежегодно умирает на 200 тыс. человек больше. Поэтому, говоря о гуманизме, не стоит забывать о важнейшей задаче — сократить катастрофически высокую смертность. Второй аспект этой проблемы — низкая рождаемость. С 2015 по 2021 год она сократилась на 28 %. Нужно не ориентировать общество на гуманизм вообще, а ставить перед ним конкретные гуманистические цели.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Вы правы. Я говорила о том, что российская экономика должна строиться на гуманистических основаниях. В 1990-е годы средняя продолжительность жизни мужчин в России составляла 54 года. Это произошло в первую очередь потому, что не работали социальные и карьерные лифты и т. д. Мужчины вымирали, а женщины не рожали. Я имею в виду именно такой экономический гуманизм: нужно перераспределять бюджетные средства и направлять их, в частности, на поддержку женщин. Этим должно заниматься государство.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Юлии Владимировне Ильиной, специалисту из Республики Беларусь.

Ю. В. ИЛЬИНА: — На этих Чтениях много говорили о глобализации, идеологии, новых путях развития экономики. Может быть, кто-то отнесется к моим словам скептически, но в маленькой независимой стране, откуда я приехала, всегда очень четко проговаривалось: Беларусь идет по собственному пути экономического развития. Наше сельское хозяйство независимо, мы обеспечиваем продуктами питания и Россию. Наша легкая промышленность также независима. Да, металл мы закупаем в России, но продукцию из него мы производим сами. Кроме того, теперь России тоже придется закупать у нас комплектующие и транспорт. К сожалению, надо признать, что в технологическом развитии Беларусь отстает. Тем не менее мы пытаемся идти своим путем.

Между Россией и Беларусью сформированы устойчивые экономические связи. В данный момент появилась необходимость создать единую платформу для осуществления закупок обеими странами. Представляется, что это можно сделать с помощью технологии блокчейн.

Беларусь имеет единственную площадку для госзакупок, у России их сотни, но тем не менее оба государства из-за случившегося оказались на этих площадках заблокированными.

Блокчейн-технологии позволят повысить продуктивность системы государственных заказов. Прямой эффект, который две страны могут получить от внедрения данной технологии, — это дополнительная выгода и сокращение издержек за счет цифровизации. Косвенный эффект — сокращение объема теневой экономики и оборота контрафактной продукции. По подсчетам российских экономистов, прямой эффект будет составлять 782 млрд рублей, косвенный — 853 млрд.

Однако Беларусь пока не сдвинулась с нулевой отметки на пути внедрения блокчейна. Вынуждена констатировать, что законодательство двух стран в данной сфере имеет пробелы. Разумеется, если речь идет о создании единой платформы, прежде всего следует законодательно обеспечить равные условия для обоих государств. Тем не менее работа в этом направлении ведется.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Как, на Ваш взгляд, можно использовать технологию блокчейн для преодоления санкционных ограничений, прежде всего в области финансов?

Ю. В. ИЛЬИНА: — Если мы говорим о формировании единой торговой площадки на основе блокчейна, то речь идет лишь о технической поддержке платформы, а не о переводе финансов через банки-посредники. Тем не менее мы в силах создать свой маленький мир, в котором научимся работать без посредников.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Вы видите внедрение этой технологии только в рамках Беларуси и России или возможно ее распространение на Евразийский экономический союз, ШОС и другие объединения?

Ю. В. ИЛЬИНА: — В данный момент рассматривается ситуация пилотного проекта с участием России и Беларуси, но в дальнейшем количество участников может быть увеличено.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово предоставляется профессору Юрию Юрьевичу Королеву.

Ю. Ю. КОРОЛЕВ: — В сложившихся сейчас экономических условиях требуется реагировать на изменения глобальной ситуации. Одним из ответов на новые вызовы стала разработка законопроекта о внешней администрации по управлению организацией. Этот законопроект предполагает, что в отношении тех иностранных компаний, которые не желают развивать бизнес в Российской Федерации, будет применяться новый механизм, основанный на замещении активов в процессе процедуры банкротства и введении внешней администрации. То есть внешняя администрация будет сочетаться с уже используемым принципом замещения активов, предусмотренным ст. 115 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Такие меры позволят нивелировать последствия банкротства иностранных компаний и вместе с тем сохранить рабочие места для россиян, которые трудятся в них.

Замещение активов и банкротство с введением внешней администрации — комбинация, еще не применявшаяся в мировой практике. Многие специалисты высказывают сомнения по поводу того, что этот механизм жизне-

способен. Что ждет работников предприятий, на которых будет вводиться внешняя администрация? В соответствии с законопроектом на таких предприятиях внешний управляющий должен будет создать на основе имущества прежнего собственника новую организационную структуру, которая обязана на протяжении не менее одного года сохранять рабочие места 2/3 персонала, трудившегося до введения внешней администрации.

Самая большая проблема, на мой взгляд, заключается в следующем. В соответствии с действующим законодательством как Российской Федерации, так и Республики Беларусь если организация является банкротом и у нее недостаточно средств на выплату задолженности кредиторам, задолженность считается погашенной. К сожалению, если после введения внешней администрации у вновь созданной организации не будет, например, средств на выплату заработной платы работникам, то они останутся ни с чем.

Статистика удовлетворения требований кредиторов второй очереди (то есть требований по заработной плате и выходным пособиям) показывает, насколько существенна сейчас эта проблема. В 2021 году в РФ только 7 % таких требований было удовлетворено. Иными словами, только 7 % работников обанкротившихся предприятий получили причитающиеся им деньги. Таким образом, люди остаются не только без работы, но и без заработной платы и выходных пособий.

Представляется, что решением этой проблемы могло бы стать создание госкорпорации, которая занималась бы аккумулированием средств и организацией выплат работникам обанкротившихся предприятий. Законодательство Республики Беларусь не предусматривает такой формы собственности, как госкорпорация. А у вас она, к счастью, существует. В соответствии с Федеральным законом № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» госкорпорация не может быть объявлена банкротом. На мой взгляд, в России это наиболее удачный выход из сложившейся ситуации. И конечно, надо вносить изменения в законодательство и предусматривать механизмы возмещения ущерба, который причиняет обанкротившееся предприятие своим работникам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Юлии Вячеславовне Голиусовой.

Ю. В. ГОЛИУСОВА: — Хотелось бы обсудить вопросы самозанятости как одного из способов трудоустройства, то есть решения проблемы безработицы.

Самозанятость — пожалуй, самый популярный способ избежать безработицы — такого мнения придерживаются многие специалисты Международной организации труда. В нашей стране к самозанятости подошли с несколько нетрадиционной стороны и ввели в рамках этого понятия новый термин «профессиональный доход», закрепленный в Федеральном законе № 422-ФЗ. Однако некоторые работники не могут понять, к какой категории они относятся — самозанятые или индивидуальные предприниматели.

Отсюда возникает множество проблем, одна из которых связана с налогообложением. Статус самозанятого позволяет получать больше дохода, нежели статус индивидуального предпринимателя. Кроме того, не тратятся средства на само получение статуса, тогда как для оформления ИП нужен бухгалтер и в некоторых случаях юрист. От самозанятого же необходима лишь регистрация на определенной платформе.

В настоящее время в России самозанятых уже 4 млн, еще 3,2 млн человек находятся в статусе ИП. Казалось бы, ситуация благополучна. Однако есть одно «но». Самозанятые должны выполнять свою трудовую функцию самостоятельно, без привлечения наемных работников — это важно, поскольку индивидуальные предприниматели право их привлекать имеют.

В классификацию самозанятых Международной организации труда включаются не только самостоятельные работники, но и индивидуальные предприниматели, члены производственных кооперативов и семейных предприятий. Российская методология признает только первую категорию, то есть, повторюсь, в нашей стране самозанятым может быть лишь человек, работающий на себя и не использующий наемный труд. Сейчас обсуждается возможность включить в число самозанятых предпринимателей, имеющих одного-двух сотрудников. О семейных предприятиях и кооперативах речь пока не идет.

В 2020 году мы провели исследование, для чего в формате телефонного интервью было опрошено 190 самозанятых Москвы. Им задавали вопрос: «Какие преимущества и недостатки вы видите в деятельности самозанятых?» Главным преимуществом самозанятости респонденты назвали независимость. К ключевому недостатку опрошенные отнесли временный характер статуса самозанятого.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору Наталье Васильевне Дороховой.

Н. В. ДОРОХОВА: — В качестве дополнения к вышесказанному хочу отметить, что налог на профессиональный доход — это одна из попыток на государственном и законодательном уровне решить проблему неформальной занятости, или теневой экономики. Эта проблема существует во всем мире. В нашей стране теневой сектор довольно велик. Согласно статистическим данным, неформальная занятость в общей структуре занятости России достигает 20 %. Иными словами, каждый пятый работает без соответствующего оформления трудовых отношений. Эта проблема существенно обострялась в условиях кризисов и коренных изменений, в которых мы находимся и в настоящий момент.

Введение такого экспериментального метода борьбы с неформальной занятостью, как налог на профессиональный доход, позволило сократить распространение данного негативного явления в экономике. Согласно нашим исследованиям, доля неформальной занятости в Воронежской области в 2015 году достигала 24 %. В 2021 году она сократилась до 18 %. И это с учетом влияния на рынок труда пандемии коронавируса! Следовательно, можно говорить об эффективности введенного государством инструмента. Но есть и обратная сторона медали. Самозанятый обеляет свою деятельность перед государством, но что получает взамен? Ничего. Никаких социальных гарантий такому работнику не предоставляется.

Перейду непосредственно к теме выступления. Мы действительно живем в эпоху перемен, и это самое сложное, что может выпасть на долю человека. Экономика приспособляется к ситуации, определенным образом отвечает на изменения. Адаптируется и важнейшая составная часть экономики — сфера занятости. Тенденций приспособления занятости к происходящим изменениям достаточно много: это и структурные изменения, и профессионально-квалификационные, и т. д. Я бы хотела остановиться на двух тенденциях: появление и масштабное

распространение нестандартной занятости; разрастание неформальной занятости.

Нестандартная занятость может принимать множество форм: платформенная, дистанционная, различные виды временной и гибкой занятости. Как и любое явление в экономике, эта тенденция имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Среди основных положительных последствий нужно отметить рост мобильности рабочей силы, получение и расширение возможностей для трудоустройства. Существуют определенные категории населения, которые отличаются низкой конкурентной позицией на рынке труда из-за семейных обстоятельств или проблем со здоровьем. Им нестандартные формы занятости дают больше возможностей трудоустроиться. Если говорить об основном отрицательном последствии распространения подобных форм занятости, то это снижение социальной и правовой защищенности таких работников. Тем не менее, как показывает исследование, которое мы провели также в своем регионе, в настоящее время нестандартная занятость — выбор наемного работника. В 2015 году это в большинстве случаев была инициатива работодателя, а сейчас уже осознанное решение наемного работника.

Вторая тенденция — разрастание неформальной занятости, что представляет собой серьезную проблему. Результаты наших последних исследований говорят о том, что неформальная занятость в экономике заметно молодеет. Сейчас работники этой категории — в основном люди до 30 лет, которые осознанно предпочитают такую форму занятости. Когда беседуешь с ними (часто это студенческая аудитория) и спрашиваешь их: «Что вы предпочтете — хорошую пенсию в будущем и социальные гарантии или высокую заработную плату сейчас?», то слышишь один ответ: «Вдруг я не доживу до пенсии? Хочу денег сейчас и здесь». Задача государства — отслеживать подобные трансформационные процессы в социально-трудовой сфере и разрабатывать эффективные механизмы решения проблем, одним из которых является внедрение самозанятости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Николаевичу Никулину.

Н. Н. НИКУЛИН: — Уважаемые коллеги, представьте себе, что санкций не существует. Какие проблемы актуальны для нашей экономики? Какой мы хотели бы ее видеть? Что нужно для этого сделать? Хотите ли вы заменить айфоны йотофонами?

Об импортозамещении мы стали говорить примерно с 2013 года, в 2014-м интерес к нему повысился, а сейчас вырос многократно. Нужно отметить, что, несмотря на постоянные разговоры об импортозамещении, объемы импорта продолжают расти. В первом квартале 2022 года этот показатель составил чуть более 90 млрд долларов, что значительно больше, чем в 2019–2021 годах. Понятно, что отказаться от импорта полностью не получится.

Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество перед другими странами в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и — в обозримой перспективе — со значимым экспортным потенциалом.

В экономике известно выражение «голландская болезнь». В середине XX века в Нидерландах было найдено крупное месторождение газа. Его экспорт резко уве-

личился, доходы населения выросли, повысился спрос на импортные товары, из-за чего национальная промышленность начала проседать. Каким же образом можно победить «голландскую болезнь»? Как наладить импортозамещение товаров с высокой добавленной стоимостью? Способ только один: внутри страны должен накопиться капитал во всех формах, о которых уже упоминали предыдущие докладчики, — человеческий капитал, производительный, денежный. Капитал — это очень сложная и, я бы даже сказал, высокая категория. До капитализма нужно дорасти.

Обратимся к структуре импорта России в 2021 году. 147 млрд долларов мы потратили на ввоз гаджетов, алкоголя, косметики, тогда как на закупку станков было израсходовано всего 700 млн. О каком высокотехнологичном импортозамещении можно говорить?

Чтобы в России действительно развивалось импортозамещение, необходимо решить три главные проблемы. Первая — столкновение интересов поколений. В начале выступления я спросил: хотите ли вы пользоваться йотофонами вместо айфонов? Если присутствующие здесь студенты ответят отрицательно, то в нашей стране никогда не будут массово производиться смартфоны. Вторая — отсутствие единства интересов разных социальных групп. IT-специалисты уезжают в США, Индию, другие страны. Заботит ли их то, что происходит в родном государстве? Наконец, третья проблема — это соотношение интересов производства и потребления. Когда-то мы спорили, производство определяет потребление или потребление — производство. В СССР не придавали большого значения потреблению. Сегодня же мы смотрим на Запад совершенно по-другому и хотим потреблять ту же продукцию, что и он. Вчера критиковали лозунг «Deutschland über alles». Я считаю, что этот лозунг, наоборот, правильный: он провозглашает первостепенную значимость Германии для немцев — так и для россиян Россия тоже должна быть превыше всего. Если будет иначе, то у нас ничего не получится. Нами должно руководить единственное желание — обустроить Россию ради России.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Далее выступит Эдуард Эдуардович Полегаев, политолог из Республики Казахстан.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — Я хочу рассказать о проекте «Большая Евразия». О нем В. В. Путин напомнил 26 мая 2022 года на заседании Евразийского экономического форума в Бишкеке. Не секрет, что сейчас блоковые противостояния усиливаются. Политика управляет экономикой, и политические факторы становятся решающими, наносит ущерб экономическому прагматизму. Доказательство тому — санкции, введенные против России и Беларуси. Даже те страны Евросоюза, которые, скорее всего, не хотели к ним присоединяться (скажем, Венгрия или Болгария), вынуждены были это сделать, чтобы не подвергнуться ostrакизму со стороны Брюсселя.

Что такое «Большая Евразия»? Это до сих пор скорее инициатива и концепция, чем проект с реальным экономическим содержанием. Пожалуй, можно сказать, что в прошлом году евразийству исполнилось 100 лет: в 1921 году был опубликован сборник «Исход к Востоку», где излагалась философия этого направления. Примерно в это же время были введены первые санкции в отношении советского правительства, которое отказалось платить царские долги. Таким образом, к санкциям России не привыкать. Можно вспомнить газопровод Уренгой–Помары–Ужгород, строительство которого началось

в результате так называемой сделки века «Газ — трубы» между СССР и ФРГ. Американцы поняли, что это грозит им потерей европейского рынка и применили к СССР многочисленные санкции.

Возвращаясь к проекту Большой Евразии, нужно сказать, что новую жизнь он получил в 2010 году, когда президент Путин в своей статье написал об объединении экономик от Лиссабона до Владивостока. Об этом же он говорил в послании Федеральному собранию в 2012 году. Потом к идее присоединился президент Казахстана Н. Назарбаев. Параллельно создавался Евразийский экономический союз, который начал функционировать с 2015 года.

На майском заседании Евразийского экономического форума Путин сказал, что Россия не собирается отказываться от взаимоотношений с Европой, но в настоящее время Европа сама ее отталкивает. Следовательно, путь России в XXI веке — это путь в Азию, в том числе транзитом через нас, Центральную Азию.

Почему Казахстан присоединяется ко всем евразийским проектам? Совершенно точно не из любви к интеграции. Казахстан — самая большая страна в мире из тех, что не имеют выхода к морю. Ближайший океан — Индийский — находится на расстоянии 3 тыс. км от Нурсултана. Мы хотим и можем использовать наш транзитный потенциал, но при этом для нас огромное значение имеет логистика. Любой товар всегда дешевле перевозить по морю, так что из-за отсутствия моря наши товары становятся неконкурентоспособными. Казахстан — крупный производитель зерна и муки, но эта продукция доходит максимум до Ирана, не дальше. На зерновом рынке есть очень хороший покупатель — Египет, но нам невыгодно поставлять туда сельхозпродукцию, потому что логистика при этом «съест» все преимущества. Поэтому нулевые пошлины, которые Казахстан получил при вхождении в Таможенный, а потом в Евразийский экономический союз, дают нам надежду на повышение конкурентоспособности казахстанского экспорта.

Между тем основной экспортный товар у нас по-прежнему нефть. Когда весной из-за аномального шторма были повреждены причальные терминалы в Новороссийске, Каспийский трубопроводный консорциум был вынужден снизить объем транспортировки нефти. Под угрозой оказался весь бюджет Казахстана, так как 3/4 нашей нефти идет по трубопроводу КТК. Эта тревожная ситуация продемонстрировала нашу взаимозависимость с Российской Федерацией, важность экономического и политического сотрудничества. И сегодня в новых условиях страны приходят к пониманию, что необходимо налаживать взаимодействие. Ведь Евразийский экономический союз — это пять стран, 20 млн квадратных километров территории, 180 млн человек, но всего 2 % мирового ВВП. Поэтому на базе Евразийского экономического союза и в сопряжении с другими организациями, такими как, например, Шанхайская организация сотрудничества, проект «Большая Евразия» вполне может обрести реальные очертания. В условиях блокового противостояния он получит более четкие контуры в ближайшее время.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору В. В. Павловой.

В. В. ПАВЛОВА: — Я обратила внимание, что многие коллеги выступают на тему занятости, что свидетельствует об острой актуальности данного вопроса. Мы пытаемся определить, какие механизмы позволили бы избежать высокой безработицы.

В феврале нынешнего года уровень безработицы в России был самым низким за 10 лет — около 4 %, но теперь прогнозируется, что безработица возрастет вдвое, причем риски повышаются не только для граждан предпенсионного возраста, но и для молодежи, особенно молодых специалистов без опыта работы. Это во многом связано с тем, что рынок покинули крупные работодатели, каковыми являлись многие зарубежные компании. Штат этих компаний состоял большей частью из молодых высококвалифицированных специалистов, так что эти люди тоже могут испытать некоторые проблемы с трудоустройством.

Итак, что надо предпринять для того, чтобы не допустить роста безработицы? На рынке труда в последнее время набирает обороты такой новый сектор, как платформенная занятость. По данным Международной организации труда, в 2020 году насчитывалось 777 цифровых платформ, работающих в этой области, а в 2023 году, по прогнозам, их будет вдвое больше. Темпы роста платформенной экономики — около 17 % в год, то есть это активно развивающийся сектор, которым не следует пренебрегать. Так, в период пандемии коронавируса объем платформенной экономики в России достиг 6 % ВВП, и рост будет продолжаться.

В чем заключаются положительные стороны этого сектора? Его перспективы, безусловно, окажут позитивное воздействие на экономику в целом, при этом платформы развиваются, а люди получают возможность заработка. Все это с большой вероятностью означает повышение занятости, благосостояния, выведение из тени определенного количества работников, увеличение налоговых поступлений. В то же время платформы могут регулировать количество тех, кто ими пользуется, и оптимизировать налоговые отчисления.

Мы много говорим о необходимости сохранения традиционных ценностей. Так вот, когда мы делали анализ для так называемого поколения X, то обнаружили, что новая область занятости не противоречит нашим традициям и ценностям. Человек получает возможность плавного перехода в пенсионный возраст, реализации своего творческого потенциала, который может быть даже не в той сфере, где он работал раньше, а в области его увлечений (хобби). При этом для старшего поколения возрастает шанс найти источник дохода и средство самореализации, совмещая работу с заботой о младшем поколении. Накопленный предпринимательский опыт тоже может оказаться весьма полезен. Молодежь, работая на цифровых платформах, получает возможность приобрести определенный трудовой опыт и финансовую независимость. Таким образом, платформенная занятость занимает достойное место уже сейчас, а в перспективе ее эффективность будет только расти.

Но такая занятость имеет и некоторые уязвимости. Во-первых, в законодательстве нет даже ее определения; соответственно она никак не регулируется. Во-вторых, не обеспечивает социальных гарантий. Профсоюзы занимают четкую позицию: раз это занятость, значит, на платформы должны распространяться все нормы, которые существуют для стандартной занятости. Платформы же настаивают на том, что в этих вопросах государство должно с ними сотрудничать, стимулировать обеспечение социальных гарантий на добровольных началах, а сами гарантии могут быть разработаны платформами. Минтруд сейчас работает над специальным пакетом социальных гарантий — таким, чтобы они предоставлялись без проблем, но не лишали цифровые платформы их преимуществ.

Мы же рассматриваем вопрос о разработке математической модели развития цифровой платформы, потому что оно не должно происходить стихийно, а должно быть регулируемым. Надо выявить влияние различных факторов, спрогнозировать объем цифровых платформ, оценить риски, которые могут возникнуть в результате платформенной занятости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступит профессор Анна Александровна Федченко.

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Что в данный момент, в условиях глобальных перемен, наиболее важно для экономики? По моему мнению, сейчас экономика должна строиться в первую очередь с ориентацией на сохранение. С высокими трибун было заявлено о структурной трансформации экономики. Я считаю, что отправной точкой такой трансформации должна быть социализация. Мы не всегда готовы к переменам, поэтому, на мой взгляд, в качестве главного принципа при этом необходимо выбрать преемственность во всем. Нам есть с кого брать пример и чьи идеи продолжать.

Сейчас надо думать о том, как создать приемлемые для людей условия для работы. Занятость тоже трансформируется, многие работают дистанционно, с использованием электронных технологий. Да мы все, по сути, уже работаем в другой среде. Поэтому надо найти методы, по которым мы сможем оценивать новые рабочие места и находить возможности для повышения их качества.

Острая и болезненная проблема — вознаграждение за труд. И тут же возникает другая проблема, близкая профсоюзам, — социальная защита. Мы проводили исследования, которые подтвердили сильную корреляцию между занятостью и социализацией. На этих моментах мы должны сосредоточиться, чтобы рационально, конструктивно и позитивно выйти на новый виток развития.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово академику РАН Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Коллеги, приведу несколько цифр. В 1940-х годах суммарное население стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — составляло примерно 450 млн человек. Соединенные Штаты вместе с Великобританией обеспечили 30 % победы, то есть это была наша общая победа. Сталин это признал, сказав, что мы победили благодаря нашим великим союзникам. А кто нам противостоял? Кроме Германии еще несколько стран — всего 300 млн человек.

В настоящее время население России и Белоруссии в сумме вместе составляет около 150 млн человек. Против нас выступают: страны Европы — 500 млн, Северной Америки — 350 млн, Японии — 100 млн человек. Поэтому вопрос устойчивости страны очень серьезен.

Среди проблем экономики основная заключается в ее неэффективности. Инвестиции в основной капитал не превышают 17 % ВВП, в то время как в развивающихся странах на эти цели тратится в 1,5 раза больше. Но главное — на каждый рубль, вложенный в основной капитал, мы получаем в среднем два с половиной рубля прибыли, мир — четыре (не рубля, конечно, а других денежных единиц), и у нас в советский период тоже было четыре.

Высокая эффективность невозможна там, где остро не хватает инженеров. Например, петербургские предприятия испытывают катастрофический дефицит рабочих и инженеров. Но для того, чтобы люди могли получать

техническое образование, требуются профессора, которые могли бы их учить. Между тем в России педагог, в том числе вузовский, — профессия низкооплачиваемая и совсем не престижная. Мой отец стал студентом в 1930 году. Тогда профессорам не доверяли, потому что они все были еще «царские», поэтому ректором университета был аспирант, а деканом — студент. И профессора обнищали. Но через несколько лет, когда мой отец уже учился на последнем курсе, Сталин устранил эту несправедливость, и зарплата профессора стала самой высокой в экономике. Если мы сейчас не сделаем то же самое, то нас ожидают трудные времена.

И еще один чрезвычайно важный вопрос. Если в стране произойдет экономический спад, то рождаемость будет снижаться, а смертность — возрастать. Рост народонаселения — это национальная проблема для России с ее огромной территорией. Доля затрат на здравоохранение у нас не превышает 3,5 % расходной части бюджета, в то время как в Европе, которую мы ругаем (и часто справедливо), — почти 8 %. Во время пандемии Путин немного увеличил финансирование, но теперь мы снова возвращаемся к той же цифре. При таком подходе мы никогда не решим нашу основную проблему.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется доценту Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Несколько лет назад мы здесь говорили о том, что приближается некая точка бифуркации, в которой завершится развитие существующей системы мироустройства, а на смену ей придет другая. Но тогда это был аналитический конструкт, а сейчас мы воочию столкнулись с этим процессом. Возникает вопрос: что нас ожидает, какая система придет на смену уходящей? Всех нас, как исследователей, интересует и другой вопрос, более узкий, — вопрос методологии. Какие подходы позволят проанализировать развивающиеся тенденции, чтобы мы могли прогнозировать будущее? Я позволю себе лишь два высказывания.

Первое: логика обстоятельств всегда сильнее логики намерений. Какие бы задачи мы перед собой ни ставили («мы хотим», «должно быть так» и т. п.), необходимо соотносить их с теми законами, которые невозможно преодолеть. В экономике есть объективные закономерности, и пытаться им противодействовать — бесполезное занятие. Можно только, поняв их логику, увеличивать свои возможности.

Второе высказывание — известная молитва немецкого богослова Карла Фридриха Этингера: «Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого». Это было сформулировано в XVIII веке, но остается актуальным во все времена и во всех обстоятельствах, в том числе и тогда, когда мы пытаемся создать картину будущего.

В сферу моих научных интересов входит вопрос о том, как цифровые технологии влияют на занятость, социальную сферу и пр. В ходе исследований я столкнулась с тем, что экономику нельзя отделить от политики и социальной сферы — все эти области и происходящие в них процессы очень тесно взаимосвязаны и подчинены единой динамике. Возможно, те аналитические конструкты эпохи модерна, которыми мы оперировали на предыдущем этапе, сегодня утратили свою эффективность. В частности, мы изучали, какие изменения под воздействием цифровых технологий происходят в социальной сфере. Мы удивля-

лись и радовались новым широчайшим возможностям, но вскоре радость сменилась тревогой. В 2020 году Генеральный секретарь ООН, выступая на юбилейной сессии Генассамблеи ООН, даже сравнил цифровые технологии с одним из всадников Апокалипсиса, сказав, что они являются препятствием на пути прогресса человечества.

С чем связаны основные опасения? Во-первых, появились прежде невиданные возможности для манипулирования, таргетирования любого посылка, которое уже может осуществлять даже искусственный интеллект. Во-вторых, роботы отнимают рабочие места у человека, а это уже угроза социальной стабильности. Речь идет не о промышленных роботах, а в первую очередь о программных, так называемых чат-ботах, которые все шире используются в сфере услуг. Стоит ли их демонизировать — ведь не сами же роботы пришли и выгнали людей. Все-таки надо понимать, что цифровые технологии — не более чем инструмент, а широкое распространение они получили благодаря экономической глобализации, которая за счет масштаба сделала их дешевыми и легкодоступными. Патформенная занятость стала основным механизмом снижения издержек и повышения эффективности, что позволяет бизнесу оставаться на плаву, когда рынок падает.

Все это оказывает огромное воздействие на социальную реальность, так как цифровые технологии и их следствие — платформенная занятость — и есть тот механизм, который ведет к ликвидации социального государства. Было бы ошибкой считать, что трудовые отношения остаются прежними, просто они теперь реализуются в цифровой форме. Нет, все меняется коренным образом, и технологии способны это до определенного момента лишь маскировать. Ждет ли нас архаизация социальной политики? Например, законы о том, что дети обязаны содержать родителей, как было когда-то? Или мы в состоянии изобрести что-то другое, более эффективное?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Владимировне Чубаровой.

Т. В. ЧУБАРОВА: — При описании реальности все чаще употребляются термины «вызовы», «риски» и т. п. Хотела бы подчеркнуть, что риски значительно возросли в период пандемии, когда многие общественные явления приняли новые формы, и еще больше — в последние месяцы, когда Россия живет в условиях экономических санкций.

Однако исследователи говорят о том, что глубинные процессы в экономике и социальной сфере начались не с пандемии и тем более не с экономических санкций. В связи с этим обращусь к двум темам, о которых многие докладчики говорили на пленарном заседании, — идеология и справедливость.

Идеология — это система идей. Она может касаться понимания мира, правил общежития и так далее, но главное — это идеи о том, каково место человека в этом мире. Предлагаю вернуться к ныне позабытому «Моральному кодексу строителя коммунизма». Идеи и принципы, содержащиеся в нем, сегодня вполне можно использовать для формирования наших универсальных ценностей.

Справедливость — вопрос более серьезный. В курсе экономики мы изучаем оптимум по Парето: это такое состояние системы, когда невозможно улучшить какой-либо показатель без ухудшения хотя бы одного из остальных. Другой критерий — равное отношение к равным и неравное к неравным. Но как понимать значение слов «равный» и «неравный»? Здесь возникает много вопросов. Но в та-

ком парадоксальном феномене, как социальное государство, вопрос идеологием имеет более или менее четкое понимание. В чем заключается главная идеологема социального государства? Нужно ли нам государство в социальной сфере и до какого предела оно должно вмешиваться в социальную сферу личного существования человека?

А что такое социальное? Здравоохранение, образование, социальное обеспечение, жилье — все это относится к феномену социального государства. Возникает серьезный вопрос: что нам должно государство в социальной сфере? И должно ли оно что-то вообще? Нужно ли оно нам или, может быть, мы сами можем решать свои проблемы? Вопрос был бы риторическим, если бы не был связан с очень серьезным моментом — перераспределением ресурсов. В экономике есть понятие перекрестного субсидирования. Если формулировать совсем просто, то это означает, что берут у одних и передают другим. Это довольно серьезная проблема. Чтобы ее решить, требуется социальная солидарность: богатый платит за бедного, молодой — за старого, здоровый — за больного.

Еще один момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Когда говорят «социальное государство», часто подразумевают социальные права. Социальное государство признает свою ответственность за решение социальных проблем граждан. Но для того, чтобы это стало возможно, оно должно создать определенные механизмы и институты. И здесь существует огромная вариативность того, как все может быть организовано. Никто не отрицает необходимость выплаты детских пособий. Но кто должен их получать? Все женщины с детьми или только те, у кого недостаточно средств? В обоих случаях это будет социальное государство.

С практической реализацией функций социального государства связаны две проблемы: с одной стороны, его устойчивость, с другой — коренная перестройка. Устойчивость означает, что мы создаем систему, которая способна абсорбировать шоки, меняться, учиться и выходить на новые уровни своего развития. Но сегодня среди самых радикальных вариантов реформирования социального государства выдвигается идея безусловного базового дохода. Возможно, для будущих поколений базовый доход окажется более приемлемым способом выражения социальной солидарности, чем те методы, которыми пользовались мы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Владиславу Сергеевичу Глазьеву.

В. С. ГЛАЗЬЕВ: — В первую очередь хотел бы отметить, что выступающие до меня в целом довольно точно и полно осветили болевые точки развития современной российской экономики. Но при этом, на мой взгляд, недостаточно внимания уделили такой теме, как стимулирование социальной активности. Эта тема является предметом экономико-математического моделирования. Хорошо известно, что между инвестициями и экономическим ростом существует прямая пропорциональная зависимость. Однако с учетом того, что инвестиций у нас крайне мало, нормы накопления в современной российской экономике не превышают 17 %, хотя для развития и поддержания экономической деятельности данный показатель должен составлять 33 % и более (именно таковы нормы накопления в экономически развитых странах).

Проблемы в сфере инвестиций связаны не только с недостаточным объемом финансирования, но и с неэффективным их использованием. Начиная с 1990-х годов ин-

вестиции в основной капитал стремительно сокращались, и их нехватка до сих пор не восполнена. Это значительно снизило возможности экономического роста.

Между тем стимулирование инвестиций является лишь инструментом управления развитием экономики; необходимым, но недостаточным условием ее роста. Чтобы была возможность реализовать потенциальный эффект от повышения инвестиционной активности, требуется увязать в единый механизм все ветви экономической политики, включая такие, как налогово-бюджетная и денежно-кредитная. Для этого можно использовать опыт Европейского союза, который показал, что путем стимулирования инвестиционной активности и выделения на это более 14 % ВВП всего ЕС (что эквивалентно почти 2 трлн евро) достигался очень высокий рост, особенно в первые годы Второй мировой войны, а в ряде европейских экономик произошло то, что принято называть экономическим чудом.

Кроме того, в России надо создать систему стратегического управления развитием экономики, которая объединит федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также институты развития, государственные корпорации и банки, включая Центральный банк, в совместной деятельности по выполнению программы стратегического планирования. Поэтому необходима реализация комплексного стратегического плана, в рамках которого управление экономикой, в том числе в отраслевом и региональном разрезе, было бы продуманным во всех аспектах и согласовывалось с общегосударственной экономической политикой, включающей денежно-кредитную, научно-техническую, внешнеэкономическую, промышленную и другие составляющие.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий выступающий — профессор СПбГУП Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — В контексте тематики наших Чтений хотелось бы обратиться к более узкому вопросу: структурные сдвиги в мировой экономике и смещение центра деловой активности с Запада на Восток. Как уже упоминали коллеги, в экономике — как российской, так и мировой — сложилась беспрецедентная ситуация. Санкции, введенные против России, весьма масштабные и жесткие. Население стран, присоединившихся к режиму санкций, — около 950 млн человек. Мы пытаемся понять, что надо сделать для того, чтобы мировой порядок стал другим, более справедливым, и чтобы Россия заняла в нем достойное место.

Однако доля России в мировом ВВП не превышает 2,5 %. Так что (давайте будем реалистами) в одиночку изменить миропорядок наша страна вряд ли сможет. Поэтому возникает вопрос: есть ли сегодня в мировой экономике объективные предпосылки для того, чтобы в ближайшие годы миропорядок изменился?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо учитывать некоторые моменты. Во-первых, мы все еще продолжаем жить в эпоху глобального капитализма. Об этом свидетельствует целый ряд признаков. Главное, что мы видим, — реализация капиталистического мотива в глобальном масштабе, построение мирохозяйственных связей и пр. Огромную роль продолжают играть мультинациональные корпорации. Конечно, трудно сохранить многие традиционные виды деятельности, если они не выдерживают рыночной конкуренции.

Во-вторых, хотелось бы обратить особое внимание на концепцию догоняющего развития. Специфика этой

концепции заключается в том, что «догоняющие» страны развиваются, не будучи первопроходцами, а уже имея некий ориентир, и следуют за лидером, сокращая отставание. Реализуется ли эта теория? И да и нет. По статистике Всемирного банка, страны с высоким уровнем дохода по-прежнему многократно опережают остальные государства по ВВП на душу населения. Среди стран, реализующих стратегию догоняющего развития, одна из наиболее успешных — Китай, значительно сокративший отставание от экономически развитых стран. Страны Азии в общем успешно растут в режиме догоняющего развития. И сегодня мы видим, что китайская экономика уже самая большая в мире, а за Китаем следуют США, ЕС и Индия.

Итак, центр деловой активности действительно начинает смещаться. На что в связи с этим может рассчитывать Россия? Да, можно перенаправлять свои финансовые, товарные и прочие потоки с Запада на Восток, налаживать новые и укреплять прежние связи, развивать сотрудничество. То есть у России сейчас есть альтернатива. И можно надеяться, что усиление Востока — это предпосылка к смене миропорядка. Неизвестно, что это за новый миропорядок — тот, что будет выстроен по инициативе восточных стран. Все же у людей на Востоке другая ментальность, да и вообще Восток социально неоднороден.

Известный русский поэт Н. А. Некрасов еще в XIX веке писал: «В Европе удобно, но родины ласки ни с чем не сравнимы». При всей горячей любви к родине ему в Европе было «удобно», а вот насколько русскому человеку «удобно» в Китае и других странах Востока — большой вопрос. Неизвестно, есть ли у нас основания рассчитывать, что новый миропорядок, который придет на смену старому, действительно будет более справедливым.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Наталья Юрьевна Шведова, Вам слово.

Н. Ю. ШВЕДОВА: — Рассмотрение деловой активности как многоуровневой категории позволяет выявить факторы, влияющие на ее формирование на каждом уровне, а также увидеть взаимосвязи и проанализировать эти факторы, в том числе их результирующее воздействие на весь воспроизводственный процесс. Напомню, что деловая активность оценивается по нескольким группам показателей. Множественность показателей становится еще более обоснованной, когда мы говорим о разных уровнях хозяйствования. Ретроспективный анализ деловой активности показывает, что начиная с 2014 года, когда были введены экономические санкции в отношении российской экономики, деловая активность наших предприятий находится на очень низком уровне. В 2017–2018 годах наблюдался незначительный подъем, но он происходил на фоне обострения внешнеполитических разногласий, торговых войн, в том числе разрыва логистических цепочек по некоторым направлениям.

Основные факторы, сдерживающие деловую активность российского бизнеса, — недостаточный внутренний и внешний спрос на продукцию, неопределенность экономической ситуации, высокий уровень налогообложения и финансовые ограничения. В то же время снижение деловой активности происходило с 2014 года на фоне неуклонного сокращения предполагаемых доходов населения. В 2021 году доходы несколько подросли, но это, на мой взгляд, объясняется тем, что тремя годами ранее, в 2018-м, была изменена методика расчета. И в то же время эту тенденцию подтверждает сокращающаяся доля за-

рабочей платы в структуре ВВП: в 2017 году — 41,3 %, в 2018-м — 42,8, в 2019-м — 41,9 %.

Если мы сегодня откроем план социально-экономического развития России на перспективу, то что увидим? Доля оплаты труда в ВВП остается на уровне 48 %, хотя в 2019 году предполагалось повысить ее до 60 %. Сравнение налогообложения на фонд оплаты труда в России и других странах опять-таки показывает негативную картину: выше наших 36 % — только во Франции и Италии. Но при этом доля ВВП на душу населения по паритету покупательной способности у них значительно выше, чем у нас, — в 1,5 и 1,7 раза соответственно. К тому же, насколько мне известно, правительства развитых зарубежных стран с 2014 года реализуют меры, призванные снизить налоговую нагрузку на фонды оплаты труда. Это многоаспектная проблема, требующая комплексного подхода с учетом значимости деловой активности и ее активизации на всех уровнях.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово профессору Диане Ивановне Балибаловой.

Д. И. БАЛИБАЛОВА: — Уважаемые коллеги, напомню, что наша страна находится под внешним управлением Международного валютного фонда. В 1987 году правительство СССР начало консультации о вступлении в МВФ. Эти консультации привели к тому, что в мае 1992 года Россия подписала соглашение и стала членом Фонда.

Все рекомендации МВФ были безукоризненно соблюдены. В 1991 году по Закону «Об основах налоговой системы в РФ» было введено девять новых налогов. Дальше был введен налог на добавленную стоимость, который выгоден для бюджета: чем больше посредников в товаро-проводящей цепочке, тем больше налоговых поступлений. Чем больше рост цен, тем больше НДС, и доходная часть государственного бюджета пополняется огромными суммами, но мы все время слышим, что в бюджете не хватает денег то на одно, то на другое.

Второй момент. По рекомендации МВФ было введено бюджетное правило. Когда Россия вступала в Международный валютный фонд, она получила статус государства-заемщика, но после того как мы в 2005 году погасили внешнюю задолженность, наш статус изменился: теперь мы государство-кредитор. А это значит, что значительную часть своих нефтегазовых доходов мы должны отправлять в Америку.

Наконец, третий момент. До сих пор в законе всегда указывалась цель финансовой политики на следующий год. Сначала такой целью было погашение внешней задолженности (о внутренней речь не шла никогда, хотя здесь у государства немалые долги), затем, когда стали быстро расти цены на нефть, в течение трех лет целью было повышение благосостояния населения. Но в то же время проводилась реформа здравоохранения, потом грянул экономический кризис. И американцы вышли из него в значительной мере за счет России. Каким образом? У нас начало работать бюджетное правило, и они стали получать наши деньги в свой актив, причем покупали мы долговые обязательства США. В последние годы целью финан-

сой политики было преодоление пандемии, но с 2022 года в законе о бюджете больше нет основной цели финансовой политики государства.

Пришло время проанализировать, насколько целесообразно наше участие в Международном валютном фонде, а также в других международных организациях, в частности в ВТО и ВОЗ.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Мы подводим итоги работы нашей секции. Пожалуйста, ваши впечатления.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Уважаемые коллеги, благодарю вас за участие и интересные выступления. Слушая вас, я еще раз убедился в сложности и разносторонности экономической науки, так как заявленная тема была освещена с разных точек зрения. Дорогие студенты, возможно, полученная сегодня информация поможет вам определиться с будущей карьерой, например заняться научными исследованиями.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — В заключение я хотел бы еще раз повторить: главная задача нашей страны, нашего народа — нас и руководства страны — повысить эффективность. Мы не эффективны. Вот что самое страшное. И поэтому студентам надо учиться, учиться и учиться. А профессорам надо учить тому, как учиться.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Дорогие друзья, большое спасибо за работу! Действительно, для многих в мире стал неожиданностью тот факт, что российская экономика перед лицом санкций оказалась настолько устойчивой. Однако мы уже ощущаем снижение спроса на нашу экспортную продукцию и разрыв производственных связей, но основные сложности еще впереди, потому что пока во многих отраслях используются старые запасы. Реструктуризация экономики России будет очень серьезной. Подчеркну еще раз: нам очень повезло, что наша страна обладает широчайшим разнообразием всевозможных ресурсов и, к счастью, достаточно хорошо работающим сельским хозяйством. Оба обстоятельства чрезвычайно важны: первое — чтобы обеспечивать базовые условия для хозяйственной деятельности, второе — чтобы в стране не было дефицита продуктов или даже голода.

Сейчас ведется обсуждение, какие потребуются изменения в экономической политике, институциональной, финансовой и т. д. В связи с необходимостью перераспределения ресурсов надо быть готовыми к тому, что придется пойти на дефицитное финансирование, которое продлится не один год, потому что необходимо будет перебрасывать ресурсы из одних областей в другие — в те, которые мы сочтем нужным развивать в первую очередь.

Денежно-кредитная политика в настоящее время вызывает много споров. Однако следует признать, что и Центральный банк, волюн или неволюн, понемногу меняет свои подходы. Несомненно, все это надо серьезно осмысливать и вносить коррективы.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Благодарю всех участников секции — руководителей, докладчиков, студентов.